

*Посвящаю эту книгу
моей жене Даниэль Антуанетте,
чья любовь в течение долгих лет служила мне
постоянным попутным ветром и компасом,
определявшим направление моей жизни*

Трое мальчиков осторожно пробирались через овраг за часовней, стараясь, чтобы никто не увидел ни из большого дома, ни из конюшен. Том, старший, шел впереди, как обычно, при этом самый младший брат буквально наступал ему на пятки. Едва Том остановился там, где ручей делал первый поворот к деревне, младший, словно того и ждал, немедленно возобновил спор:

— Ну почему я всегда должен обтирать углы и болтаться в стороне, а, Том? Почему мне нельзя тоже поразвлечься?

— Потому что ты самый мелкий, — ответил Том с надменной властью.

Он окинул взглядом маленькую деревушку, которая теперь открывалась перед ними снизу; братья уже поднялись по склону оврага.

Над деревенской кузницей вился дым, за домиком вдовы Эванс трепыхалось на ветру белье, но людей Том нигде не видел. В такое время большинство мужчин обычно работали на полях его отца, потому что полным ходом шла уборка урожая, а женщины, которые не помогали им, трудились в большом доме.

Том довольно усмехнулся в предвкушении:

— Никто нас не заметил.

А значит, никто не донесет их отцу.

— Это нечестно! — опять начал младший.

Дориана никак не удавалось отвлечь от важной для него темы. Его медно-золотые локоны упали ему на лоб, сделав мальчика похожим на сердитого херувима.

— Ты мне никогда ничего не позволяешь!

— А кто на прошлой неделе разрешил тебе запустить сокола? Я! — обернулся к нему Том. — Кто тебе позволил вчера выстрелить из мушкета? Я. Кто дал держать руль лодки?

— Да, но...

— И никаких «но»! — Том бросил на брата сердитый взгляд. — В конце концов, кто капитан этой команды?

— Ты, Том... — Дориан опустил зеленые глаза, пряча от гнева старшего брата. — И все-таки...

— Можешь пойти с Томом вместо меня, если хочешь, — впервые негромко заговорил Гай. — А я могу постоять на страже.

Том сердито повернулся к младшему близнецу.

А Дориан воскликнул:

— Правда, Гай? В самом деле?

Он улыбнулся, и тут его красота сверкнула во всю силу, как прорвавшийся сквозь облака солнечный луч.

— Нет, неправда! — резко перебил его Том. — Дорри еще малыш. Он не может пойти. Он останется на крыше и будет нести вахту.

— Я не малыш! — яростно запротестовал Дориан. — Мне почти одиннадцать!

— Если ты не малыш, покажи нам свои волосы внизу, — насмешливо произнес Том.

С тех пор как у него самого появились волоски в нижней части живота, он просто надувался от важности.

Дориан не ответил на его слова; он сам еще не мог похвалиться даже пушком в нужном месте, нечего и пытаться сравнить с внушительным кустом старшего брата.

Он зашел с другой стороны:

— Я просто посмотрю, и все!

— Да, посмотришь с крыши.

Резкий тон старшего положил конец спору.

— Пошли! А то опоздаем.

Том стал быстро подниматься по последней части склона.

Двое братьев последовали за ним не слишком охотно.

— Да кто сюда может забрести? — продолжил настаивать Дориан. — Все ведь работают! И нам бы следовало помогать.

— Черный Билли может заявиться, — ответил Том, не оглядываясь.

Это имя заставило умолкнуть даже Дориана.

Черный Билли. Старший из сыновей Кортни. Его мать, эфиопскую принцессу, сэра Хэл Кортни привез с собой из Африки, когда возвращался из своего первого путешествия к этому таинственному континенту.

Невеста королевской крови и полный корабль сокровищ, отбитых у голландцев и у язычников, представляли собой огромное состояние, с помощью которого их отец более чем удвоил земли своего древнего поместья, вследствие чего их семья стала богатейшей во всем Девоне, превзойдя даже Гренвилей.

Уильяму Кортни, или Черному Билли для своих младших единокровных братьев, было уже почти двадцать четыре года — на семь лет больше, чем близнецам. Он обладал умом, красотой и беспощадностью, походя на темного волка, и младшие братья боялись и ненавидели его, на что у них имелись причины. Один только звук его имени заставил Дориана вздрогнуть, и последние полмили они прошли молча. Наконец они выбрались наверх. Отдалившись от ручья, остановились под большим дубом, где прошлой весной устроил гнездо полевой лунь.

Том хлопнулся на землю под деревом, чтобы перевести дух.

— Если ветер продержится, мы сможем утром пойти под парусом, — заявил он, снимая шляпу и рукавом отирая вспотевший лоб.

Шляпу украшало маховое перо из крыла дикой утки — эта птица стала первой добычей его собственного сокола.

Том огляделся вокруг. С такой высоты взору открывалась почти половина владений Кортни — пятнадцать тысяч акров невысоких холмов и долин, лесов, пастбищ и пшеничных полей, которые протянулись до самых береговых утесов и почти достигали окрестностей порта. Все

это представляло настолько знакомую для Тома картину, что его глаза ни на чем не задержались.

— Пойду вперед, проверю, как там обстоят дела, — сказал он, вставая.

Низко пригибаясь, Том осторожно направился к каменной стене, окружавшей церковь.

У стены он поднял голову и заглянул на другую сторону.

Эту церковь построил их великий предок сэра Чарльз, который завоевал рыцарское звание на службе доброй королевы Бесс. Будучи одним из капитанов, он с исключительной храбростью сражался против армады Филиппа Испанского. Более ста лет назад сэра Чарльз построил эту церковь во славу Божию и в память о победе флота у Кале. Тогда множество испанских галеонов, пылая, выбросились на берег, а остальных раскидали шторма, которые вице-адмирал Дрейк назвал Божьими Ветрами.

Церковь представляла собой красивое восьмиугольное здание из серого камня, с высоким шпилем, который в ясные дни можно было увидеть даже из Плимута, что находился в пятнадцати милях отсюда.

Том легко перелез через стену, затем прокрался по фруктовому саду к обитой железом дубовой двери ризницы. Чуть-чуть приоткрыв ее, он внимательно прислушался. Внутри царил тишина.

Осторожно войдя внутрь, Том приблизился к двери, что вела в неф.

Пока он всматривался туда, сквозь высокое витражное окно ворвался луч солнца, похожий на радугу. И ярко загорелись краски на картине, висевшей над алтарем; полотно изображало морскую битву англичан с испанцами — сверху из облаков сам Господь одобрительно наблюдал за тем, как пылают испанские галеоны.

Картины над главным входом добавил уже отец Тома. На этот раз разбитыми врагами являлись голландцы и орды мусульман, а над битвой гордо возвышался сам сэра Хэл, героически вскинув меч; рядом с ним стояла его эфипская принцесса.

Оба они были в латах, а на их щитах сияли кресты ордена Святого Георгия и Священного Грааля.

В этот день неф был пуст. Венчание Черного Билли ожидалось в следующую субботу, и подготовка к нему еще не началась. Церковь оказалась в полном распоряжении Тома. Он быстро вернулся к двери ризницы и, высунувшись наружу, приложил к губам два пальца и резко свистнул. И почти мгновенно два его брата перебрались через внешнюю стену и подбежали к нему.

— Дорри, на башню! — приказал Том, а когда ему показалось, что младший снова собирается возражать, он угрожающе шагнул к братишке.

Дориан насупился, но исчез на уходящей вверх лестнице.

— Она уже пришла? — спросил Гай с легким беспокойством в голосе.

— Пока нет. Да еще и рано.

Том прошел к темной каменной лестнице, что вела в подземный склеп. Спустившись по ней, расстегнул пряжку на кожаной сумке, что висела у него на поясе рядом с кинжалом в ножнах. Достав большой железный ключ, который он позаимствовал в отцовском кабинете этим утром, Том отпер решетчатую дверь и распахнул ее; петли двери скрипнули.

Том без малейших колебаний вошел в подземелье, где в каменных саркофагах лежало множество его предков. Гай далеко не так уверенно последовал за ним. Присутствие мертвых всегда вызвало в нем тревогу. И он помедлил у входа в склеп.

Здесь на уровне земли имелись окна, сквозь которые сочился зловещий свет; другого освещения не было.

Вдоль круглых стен склепа выстроились шестнадцать каменных и мраморных гробов. В них лежали Кортни и их супруги со времен прапрадеда Чарльза. Гай инстинктивно посмотрел на мраморный гроб, в котором хранились земные останки его собственной матери, — он стоял в центре ряда из гробов трех покойных жен его отца. На крышке ее гроба имелся резной портрет женщины, и Гай поду-

мал, что она невероятно прекрасна и похожа на нежную лилию. Гай не знал матери, ему не довелось испытать молока из ее груди: длившиеся трое суток роды оказались смертельными для этого хрупкого создания. Она умерла от потери крови и изнеможения уже через несколько часов после того, как Гай издал свой первый младенческий крик. Мальчиков растили сначала няни, а потом мачеха, ставшая матерью Дориана.

Гай подошел к мраморному гробу и преклонил перед ним колени.

Он прочитал надпись, оказавшуюся прямо перед ним: «В этом вместилище лежит Маргарет Кортни, возлюбленная вторая жена сэра Генри Кортни, мать Томаса и Гая, покинувшая сей мир 2 мая 1673 года от Рождества Христова».

Склонив голову и закрыв глаза, Гай стал молиться.

— Она все равно тебя не слышит, — мягко произнес Том.

— Нет, слышит, — возразил Гай, не поднимая головы и не открывая глаз.

Тому стало скучно, и он двинулся вдоль ряда гробов. Справа от его матери лежала мать Дориана, последняя жена их отца. Всего три года назад одномачтовое судно, на котором они плыли, перевернулось у входа в залив, и ее унесло в море. Течение оказалось мощным, и, несмотря на все усилия Хэла спасти свою жену, оно утащило вместе с ней и его самого. Их выбросило на голый берег в пяти милях от места крушения, и к этому времени Элизабет была уже мертва, а Хэл едва жив.

Том почувствовал, как в его глазах закипают слезы, потому что он любил Элизабет, насколько хватало сил в его сердце. Он кашлянул и провел рукой по глазам, не желая, чтобы Гай заметил его детскую слабость.

Хотя Хэл женился на Элизабет прежде всего для того, чтобы у осиротевших близнецов появилась мать, они очень скоро полюбили ее, а потом полюбили и Дориана, стоило ему появиться на свет. Вот только Черного Билли они не любили.

А сам Уильям Кортни не любил никого, кроме отца, и ревновал его ко всем с яростью пантеры. Элизабет защищала младших мальчиков от его мстительного внимания, пока море не забрало ее у них, оставив в одиночестве.

— Ты не должна была нас покидать, — тихонько сказал ей Том. И тут же виновато оглянулся на Гая.

Но Гай, погруженный в молитву, его не услышал, и Том отошел к другому гробу, рядом с гробом его родной матери.

Здесь покоилась Юдифь, эфиопская принцесса, мать Черного Билли. Мраморная фигура на крышке изображала красивую женщину с резкими, почти ястребиными чертами, которые унаследовал ее сын. Она была изображена в полукольчуге, что и полагалось тому, кто командовал сражавшейся с язычниками армией. На поясе у нее висел меч, на груди лежал шлем, а рядом — щит, украшенный коптским крестом, символом, существовавшим еще до римской власти над христианами.

Голова принцессы была непокрыта, пышные волнистые волосы напоминали корону.

Том смотрел на скульптуру на крышке гроба, чувствуя, как в его груди сильнее вскипает ненависть к ее сыну.

— Лошади следовало сбросить тебя раньше, чем ты выносила свое отродье! — На этот раз Том говорил вслух.

Гай встал и подошел к нему.

— Не к добру говорить такое умершим, — предостерег он брата.

Том пожал плечами:

— Теперь она ничего не может мне сделать.

Гай взял его за руку и отвел к следующему саркофагу в том же ряду. Оба брата знали, что он пуст.

И его крышка не была запечатана.

— «Сэр Фрэнсис Кортни, родился шестого января тысяча шестьсот шестнадцатого года в графстве Девон. Рыцарь ордена Подвязки и ордена Святого Георгия и Священного Грааля. Рыцарь-навигатор и моряк. Исследователь и воин. Отец Генри, доблестного джентльмена, — вслух прочитал надпись Гай. — Несправедливо обвинен в пиратстве трусливыми голландскими поселенцами мы-

са Доброй Надежды и самым жестоким образом казнен ими пятнадцатого июля тысяча шестьсот шестьдесят восьмого года. Хотя его смертные останки лежат на далеком и диком африканском берегу, память о нем всегда живет в сердце его сына, Генри Кортни, и в сердцах всех храбрых и преданных моряков, что ходили по океанам под его командой».

— Как отец мог поставить здесь пустой гроб? — проормотал Том.

— Думаю, это потому, что он намерен когда-нибудь привезти сюда тело деда, — ответил Гай.

Том бросил на него короткий косой взгляд:

— Он тебе говорил это?

У него вызвало ревность то, что брату могли сказать что-то такое, чего не говорили ему, старшему. Все мальчишки боготворили своего отца.

— Нет, не говорил, — качнул головой Гай. — Но я бы сделал именно это для своего отца.

Сразу потеряв интерес к разговору, Том вышел на середину подземелья. Здесь на полу был выложен мрамором и гранитом множества разных цветов таинственный круглый рисунок. По четырем сторонам круга стояли бронзовые чаши, которые должны были содержать в себе древние элементы огня и земли, воздуха и воды, когда в полнолуние во время летнего солнцестояния собирались рыцари ордена Святого Георгия и Священного Грааля. Сэр Генри Кортни был рыцарем-навигатором этого ордена, как и его отец и дед до него.

В центре сводчатого потолка подземелья находилось отверстие, открывавшееся прямо в небо. Крипта на самом деле располагалась не прямо под часовой, а сбоку от нее, и была выстроена так, чтобы через это отверстие лучи полной луны падали прямо на каменный рисунок на полу, под ногами Тома, — прямо на выложенный черным мрамором легендарный девиз ордена: «In Arcadia habito» — «Я пребываю в Аркадии».

Но ни один из мальчишек еще не был до конца посвящен в глубинный смысл всех геральдических тонкостей.

Том, встав на черные готические буквы, положил руку на сердце и начал произносить слова, которые однажды ему придется произнести при вступлении в орден:

— В это я верую, и это я буду защищать всей моей жизнью. Я верую в единство Господа в трех лицах, в вечных Отца, Сына и Святого Духа.

— Аминь! — негромко воскликнул Гай.

Оба они уже старательно изучали катехизис ордена, и их сердца пылко отзывались на него.

— Верую в причастие английской Церкви и в божественное право ее представителя на земле Вильгельма Третьего, короля Англии, Шотландии и Ирландии, защитника веры.

— Аминь!

Гай повторял слова за братом. Однажды они оба будут призваны, чтобы вступить в этот прославленный орден, и будут стоять в лучах полной луны и искренне приносить свои клятвы.

— Я буду поддерживать английскую Церковь. Я буду противостоять врагам моего божественного суверена Вильгельма... — продолжал Том голосом, в котором уже почти не слышалось ничего детского.

Но он сразу умолк, когда сквозь отверстие в крыше над его головой до них донесся свист.

— Это Дорри! — пробормотал Гай.

— Кто-то идет...

Они оба застыли, ожидая второго резкого свиста, который стал бы сигналом тревоги и опасности. Но других предостережений не прозвучало.

— Это она! — ухмыльнулся Том, посмотрев на брата. — Я уже боялся, что она не придет.

Но Гай не разделял радости Тома. Он нервно почесал шею:

— Том, мне это совсем не нравится.

— Ерунда, Гай Кортни! — засмеялся Том. — Не узнаешь ведь, как это хорошо, пока не попробуешь!

Они услышали шелест одежды, легкие шаги на лестнице, и вот в подземелье ворвалась девушка. Она остано-

вилась у входа, быстро дыша, ее щеки слегка разгорелись от подъема на холм.

— Кто-нибудь видел, как ты ушла из дома, Мэри? — спросил Том.

Она покачала головой:

— Нет, мастер Том, никто. Они там слишком заняты приготовлением еды.

Девушка говорила с грубым провинциальным акцентом, но голос звучал приятно. Мэри уже давно созрела, она обладала пышными бедрами и грудью и возрастом превосходила близнецов — ей было около двадцати. Однако кожа у нее оставалась безупречно гладкой и свежей, как прославленные девонские сливки, а ангельское личико окружали волны спутанных темных волос. Губы Мэри, розовые, мягкие и влажные, выглядели мило и невинно, однако в ее ярких глазах светилось нечто вовсе не детское.

— Ты уверена, Мэри, что мастер Билли тебя не заметил? — настойчиво спросил Том.

Она снова качнула головой, и серьги в ее ушах закачались.

— Нет, не заметил. Я заглянула в библиотеку, прежде чем уйти, и он сидел над книгами, как всегда.

Она уперлась маленькими ладошками в бока, и хотя руки у нее потрескались и покраснели от кухонных работ, они прекрасно выглядели на тончайшей талии. Глаза близнецов последовали за их движением, взгляды братьев застыли. Потрепанная юбка Мэри не закрывала пухлых лодыжек, и, хотя босые ступни загрубели, лодыжки оставались безупречны. Видя взгляды и выражения лиц своих приятелей, девушка улыбнулась с видом превосходства, вполне ощущая свою власть.

Подняв одну руку, она подергала за ленту, которая удерживала вместе половинки лифа. Обе пары глаз послушно последовали за ее рукой, а она слегка обнажила грудь.

— Ты говорил, что я получу за это шесть пенсов, — напомнила девушка Тому.

Тот быстро кивнул:

— Да, я обещал. Шесть пенсов за нас обоих, за Гая и меня.

Мэри вскинула голову и показала ему розовый язычок:

— Эй, ты хитришь, мастер Том! Говорили про шесть пенсов за каждого, шиллинг за обоих.

— Не сходи с ума, Мэри!

Том сунул руку в кошель на поясе и достал серебряную монету. И подбросил ее в воздух. Она блеснула в неярком свете, вращаясь, и Том поймал ее, а потом протянул девушке, чтобы та ее осмотрела.

— Видишь, целых шесть серебряных пенсов, и все для тебя!

Но она снова покачала головой и еще чуть-чуть выпустила ленту.

Оба мальчика уставились на полоску белой кожи, поразительно контрастировавшей с загорелыми веснушчатými плечами.

— Шиллинг — или ничего! — Мэри равнодушно пожала плечами.

При этом движении одна пухлая круглая грудь наполовину выскочила из лифа, и скрытым остался лишь ее острый сосок, но темный кружок возле него застенчиво показался над краем кофточка. Мальчишки лишились дара речи.

— Что, ворона в рот залетела? — нахально спросила Мэри. — Пожалуй, мне тут делать нечего.

Она повернулась к лестнице, качнув пышной попкой под тонкой юбкой.

— Погоди... — сдавленным голосом окликнул ее Том. — Ладно, пусть будет шиллинг, Мэри, красotka.

— Покажи его, мастер Том.

Мэри оглянулась через веснушчатое плечо, а Том уже лихорадочно рылся в кошелье.

— Вот он, вот, Мэри...

Том протянул ей монету, и Мэри медленно подошла к нему, качая бедрами, как девицы в доках Плимута.

Она забрала из его пальцев монету:

— Ты считаешь меня хорошенькой, мастер Том?

— Да ты самая хорошенькая девушка во всей Англии! — с пылом заявил Том, и говорил он искренне.

Он потянулся к пышной круглой груди, теперь уже освободившейся от лифа.

Девушка хихикнула и отвела его руку:

— А как насчет мастера Гая? Может, он первый? — Она смотрела мимо Тома.

— Ты ведь никогда такого не делал, да, мастер Гай?

Гай тяжело сглотнул, но сказать ничего не смог. Он опустил взгляд и густо покраснел.

— Ладно, пусть он будет первым, — нервно согласился Том.

— Не бойся! — Мэри подошла к Гаю и взяла его руку. И улыбнулась, шуря слегка раскосые глаза. — Я тебя не укушу, мастер Гай! — пообещала она и потащила его в дальний конец подzemелья.

Гай ощутил запах девушки, когда она прижалась к нему. Похоже, не мылась она больше месяца — от нее остро пахло потом, а еще ее кожа пропиталась мощным духом кухни, где она работала, духом жареного сала и древесного дыма, запахом лобстеров, что варились на огне...

Гай почувствовал сильную тошноту.

— Нет! — вырвалось у него, и он резко отодвинулся от Мэри. — Я не хочу, не могу...

Он был уже на грани слез.

— Иди ты, Том, — позвал он брата.

— Я же ее для тебя позвал, — хрипло откликнулся Том. — Когда ты все по-настоящему почувствуешь, ты просто с ума сойдешь! Вот увидишь!

— Прошу, Том, не заставляй меня... — Голос Гая надломился, он в отчаянии оглянулся на лестницу. — Я просто хочу вернуться домой. Отец скоро заметит...

— Я ведь уже отдал ей наш шиллинг! — попытался урезонить его Том.

— Зря потратил.

Мэри снова схватила Гая за руку.

— Ну же, давай, идем! — Она потянула его за собой. — Ты такой славный парень! Я давно на тебя глаз положила, честно! Ты просто чудо какой симпатичный, правда!

— Пусть лучше Том будет первым, — повторил Гай, теперь уже почти в бешенстве.

— Ладно, пусть так. — Мэри двинулась к Тому. — Пусть мастер Том покажет тебе дорогу. Он-то теперь и вслепую все найдет, он здесь достаточно часто бывал.

Вцепившись в руку Тома, Мэри увлекла его к ближайшему гробу, оказавшемуся гробом сэра Чарльза, героя Кале, и прислонилась к нему.

— И не только со мной, — хихикнула она в лицо Тому. — А и с Мэйбл тоже, и с Джилл, если только они обе не врут, да еще и с половиной девушек из деревни, насколько я слыхала. Ты просто как поршень трудишься, да, мастер Том?

Протянув руку, она дернула за шнурок бриджей Тома. И одновременно, приподнявшись на цыпочки, прижалась губами к его рту. Том толкнул ее спиной на каменный гроб. Он пытался что-то сказать близнецу, кося глазами в сторону Гая, но губы и язык Мэри слишком мешали ему.

Наконец он отодвинулся от нее и жадно глотнул воздуха, потом усмехнулся Гаю.

— А теперь я собираюсь показать тебе самое сладкое в мире, — сообщил он. — Ты ничего слаще не увидишь, проживи хоть сотню лет.

Мэри стояла, прислонившись спиной к каменному гробу.

Том наклонился и опытной рукой окончательно расшнуровал блузку девушки и спустил с нее юбку, и та упала волной вокруг лодыжек. Под юбками у Мэри ничего не оказалось. Кожа девушки поражала гладкостью и белизной; казалось, это тело вылепили из лучшего свечного воска. Все трое уставились на него: близнецы — благоговейно, а Мэри — с горделивой улыбкой. Последовала долгая минута молчания, когда слышалось лишь преры-

вистое дыхание Тома. Мэри обеими руками сняла через голову блузку и бросила ее на крышку гроба позади себя. Потом повернула голову и посмотрела на Гая в упор.

— И ты вот этого не хочешь? — спросила она, приподнимая ладонями белые груди. — Нет?

Она явно насмеялась. Гай онемел от потрясения. А девушка медленно провела кончиками пальцев по всему своему сливочному телу, мимо глубокой ямки пупка и ниже. Потом пинком отбросила в сторону юбку и раздвинула ноги, не сводя глаз с Гая.

— Ты ведь никогда не видел ничего похожего на такую вот киску, а, мастер Гай? — спросила она.

Под ее пальцами шевельнулись кудрявые волоски, когда она погладила себя между бедрами. Гай сдавленно вскрикнул, и Мэри победоносно расхохоталась.

— Опоздал, мастер Гай! — поддразнила она его. — Упустил свой шанс!

К этому времени Том спустил штаны до лодыжек. Мэри положила ладони ему на плечи и ловким движением подпрыгнула, ухватившись за шею Тома обеими руками, а ногами сжав его талию.

На шее девушки висели дешевые стеклянные бусы, оказавшиеся между их телами. Нитка бус лопнула, блестящие бусинки дождем посыпались вниз и раскатились по каменным плитам. Но парочка словно и не обратила на это внимания.

Гай наблюдал в странном смещении ужаса и зачарованности, как его близнец, прижав девушку к каменной крышке саркофага их деда, резко двигался вперед и назад, хрипя, раскрасневшись, а девушка отзывалась на его толчки... Она начала издавать странные, похожие на мяуканье звуки, которые становились все громче, пронзительнее, и наконец она уже повизгивала, как щенок...

Гай хотел отвернуться, но не мог. Словно окаменев, он в ужасе видел, как его брат запрокинул голову и, широко раскрыв рот, испустил чудовищный, болезненный вопль. «Она убила его, — подумал Гай, и тут же у него мелькнула другая мысль: — Что же мы скажем отцу?..»

Лицо Тома стало темно-красным и блестело от пота.
— Том! Ты в порядке? — Слова сорвались с губ Гая сами собой.

Том повернул голову и криво ухмыльнулся:

— Лучше не бывает!

Он поставил Мэри на ноги и отступил назад, а она так и осталась у гробницы.

— Ну, теперь твоя очередь, — выдохнул Том.

— Да, заставь меня отработать шесть пенсов... — Мэри тоже дышала с трудом, но смеялась. — Только дай мне минутку перевести дух, а уж потом я тебе устрою такую скачку, какой ты не забудешь много лет, мастер Гай!

В этот момент резкий двойной свист донесся в подземелье через дыру в потолке, и Гай отпрыгнул назад с испугом и облегчением. Прозвучал безусловный сигнал тревоги.

— Ты слышал?! — воскликнул он.

— Да, это Дорри на крыше. Кто-то сюда идет.

Том запрыгал на одной ноге, потом на другой, натягивая бриджи и зашнуровывая их.

— Удирай поскорее, Мэри! — рявкнул он на девушку.

Мэри ползала по полу на четвереньках, пытаясь собрать рассыпавшиеся бусы.

— Да оставь ты это! — велел Том.

Но она не обратила на него внимания. На ее голых ягодицах виднелись розовые пятна в тех местах, какими она прижималась к гробу, и Тому показалось, что он может разобрать отпечатавшуюся на ее коже надпись. Ему вдруг захотелось расхохотаться.

Вместо этого он схватил Гая за плечо:

— Скорее! Это может быть отец!

От этих слов на ногах у братьев как будто выросли крылья, и они рванулись вверх по лестнице, в спешке налетая друг на друга.

Когда они вывалились из двери ризницы, то сразу увидели Дориана — младший брат ожидал их под укрытием плюща, затянувшего стену.

— Кто это, Дорри? — выдохнул Том.

— Черный Билли! — пискнул Дориан. — Он только что выехал из конюшни на Султана и направился прямо к тропе на холм. Он здесь будет через минуту!

Том крепко выругался; такому ругательству он научился у Большого Дэниела Фишера, отцовского боцмана.

— Он не должен застукать нас здесь. Бежим!

Все трое помчались к каменной стене. Том подсадил Дориана, потом они с Гаем перескочили на другую сторону, и все они залегли в траве.

— Потише, вы оба! — Том хрипел от смеха и возбуждения.

— Что у вас там произошло? — тихонько спросил Дориан. — Я видел, как туда вошла Мэри. Ты сделал это с ней, Гай?

— Тебе и знать-то не следует о таких вещах, — попытался уклониться от ответа Гай.

— Я знаю, что это такое! — негодуя возразил Дориан. — Я сто раз видел, как это делают бараны, и собаки, и петухи, и бык Геркулес.

Он поднялся на четвереньки и стал энергично изображать соответствующие движения, двигая бедрами и выгнув язык, а заодно изо всех сил выпучив глаза.

— Ты так делал с Мэри, Гай?

Гай отчаянно покраснел:

— Прекрати, Дориан Кортни! Слышишь?

Но Том грубовато захохотал и ткнул Дориана лицом в траву:

— Ах ты, маленькая грязная обезьянка! Спорю на гинею, ты бы справился лучше Гая, есть у тебя волосы внизу или нет.

— Ты мне позволишь в следующий раз, Том? — умоляюще произнес Дориан.

Его голос прозвучал приглушенно: старший брат все еще прижимал его лицо к траве.

— Я тебе разрешу попробовать, когда у тебя чуть-чуть подрастет то, чем пробуют, — ответил Том и отпустил братишку, позволив ему сесть.

В этот миг они услышали приближавшийся стук копыт.

— Тихо! — прошипел Том, давась смехом.

Они залегли за стеной в ряд, стараясь дышать потише.

Всадник приблизился легким галопом и остановил лошадь на гравийной площадке перед главным входом в церковь.

— Прижмитесь к земле! — шепотом приказал Том братьям.

Но сам, сняв шляпу с пером, осторожно приподнялся, чтобы заглянуть через стену.

Уильям Кортни сидел верхом на вороном Султане. Он был великолепным всадником: это искусство казалось у него врожденным; возможно, тут проявлялись некие инстинкты, унаследованные от африканских предков. Стройный и высокий, Уильям был одет, как всегда, в черное.

Как раз это, кроме цвета его кожи и волос, и послужило причиной прозвища, данного ему единокровными братьями, которое он люто ненавидел.

Хотя в этот день он приехал с непокрытой головой, обычно он носил широкополую шляпу, украшенную пучком перьев страуса. Его высокие сапоги были черными; седло и уздечка тоже.

Султан, вороной жеребец, был так тщательно ухожен, что светился в неярких солнечных лучах. И лошадь, и всадник представляли собой прекрасное зрелище.

Причина его поездки к церкви не представляла никакой загадки: старший сын Кортни приехал проверить, готовятся ли здесь к его свадьбе. Обряд предстояло совершить именно здесь, а не в домашней церкви невесты, потому что после венчания планировались другие важные церемонии.

А их следовало провести только в церкви рыцарей-мореходов.

Уильям остановился перед дверью и низко наклонился в седле, чтобы заглянуть внутрь. Потом выпрямился и медленно поехал вокруг здания к дверям ризницы. Он внимательно огляделся вокруг — и вдруг посмотрел пря-

мо на Тома. Том похолодел. Ему и братьям следовало сейчас находиться у устья реки, помогать Симону и его людям вытаскивать поставленные на лосося сети. Поденных рабочих, которых Уильям нанимал на время сбора урожая, кормили почти одним только лососем. Это была дешевая и обильная еда, хотя рабочие и возражали против ее однообразия.

Видимо, ветки яблони скрыли Тома от острых глаз брата, потому что Уильям спешил и привязал Султана к железному кольцу рядом с дверью.

Жениться он собирался на средней дочери Гренвиля. Этот брак должен был стать блестящей партией, и их отец почти год торговался с Джоном Гренвилем, графом Эксетером, насчет условий.

Черный Билли просто из кожи вон лез, чтобы заполучить такую невесту, насмешливо подумал Том, наблюдая за тем, как брат остановился на ступенях перед дверью, чтобы смахнуть пыль с блестящих черных сапог тяжелым свинцовым хлыстом, который всегда носил с собой.

Прежде чем войти в церковь, Уильям еще раз посмотрел в сторону Тома.

Его кожа была вовсе не черной, она имела легкий янтарный оттенок. И он скорее походил на уроженца Средиземноморья, чем на африканца, — может быть, на испанца или итальянца. Волосы, угольно-черные, густые и блестящие, он зачесывал назад и связывал в хвост черной лентой.

Уильям, с его прямым эфиопским носом и сверкающими черными глазами хищника, обладал особой, грозной и пугающей красотой. Том завидовал тому, что большинство молодых женщин просто таяли в присутствии Уильяма.

Уильям исчез в ризнице, и Том вскочил на ноги, прошептав братьям:

— Он ушел! Скорее, мы должны вернуться...

Но он не успел договорить, как в церкви раздался громкий крик.

— Мэри! — воскликнул Том.

— Я думал, она убежала, — испуганно пробормотал Гай. — Но эта дурочка все еще там, и Черный Билли поймал ее!

— Ну все, теперь кому-то не поздоровится, — бодро заявил Дориан и подпрыгнул на месте, чтобы заглянуть через стену. — Как вы думаете, что он сделает?

— Я не знаю, — ответил Том. — И мы не станем ждать и выяснять это.

Но прежде чем он возглавил отступление вниз по склону, из двери ризницы вылетела Мэри. Даже с такого расстояния виден был ее ужас. Она мчалась так, словно за ней гналась целая стая волков. А через мгновение на свет выбежал и Уильям, гнавшийся за девушкой.

— А ну вернись, мелкая дрянь!

Его голос отчетливо донесся до братьев, все еще прятавшихся за стеной. Мэри, подхватив юбку, помчалась еще быстрее. И она неслась именно к тому месту стены, где засели братья.

Позади нее Уильям отвязал поводья Султана и взлетел в седло. Он бросил жеребца в погоню сразу галопом. Лошадь и всадник без труда догнали бежавшую девушку.

— Остановись немедленно, маленькая грязная шлюха! Иначе хуже будет! — Уильям, нагнав Мэри, наклонился над ней, держа в правой руке хлыст с тяжелой свинцовой рукояткой. — Ты мне сейчас же объяснишь, что ты здесь делала!

Он хлестнул девушку, но Мэри увернулась от удара.

Уильям развернул жеребца вслед за ней:

— Тебе не сбежать от меня, сука!

Уильям улыбался, и это была холодная, жестокая улыбка.

— Пожалуйста, мастер Уильям! — взвизгнула Мэри, но он опять взмахнул хлыстом.

Хлыст просвистел в воздухе, и Мэри отскочила в сторону с живостью преследуемого зверька. Теперь она побежала в обратную сторону, к церкви, пригибаясь под ветками яблонь, а Уильям гнался за ней.

— Бежим! — прошептал Гай. — Пока есть возможность!